

Предел мечтаний

День выдался морозный, и рыцарь с удовольствием ощущал на лице поток теплого воздуха, идущего из недр земли. Даже несмотря на то, что знал, что, а, вернее, кто служит источником подземного жара. Пещера была обитаема, рыцарю предстояла встреча с драконом.

Впрочем, не впервой. Такая уж у рыцаря профессия – охотник на драконов. Именно такую специализацию выбрали для него наставники во время обучения в Бастионе Ветров. И, как выяснилось, не зря. Слава лучшего из драконоборцев своего времени, посвящение в рыцари за многочисленные заслуги и заказы на спасение не маркиз и не герцогиня даже – принцесс! – для парня из обычной крестьянской семьи, в чьих жилах течет кровь простых землепашцев – предел мечтаний.

Предел мечтаний... Предел, да не совсем. Рыцарь дерзал мечтать о большем. Но только мечтать, ибо был абсолютно уверен, что мечта его неосуществима. Никому и никогда он не сознался бы в этой мечте. Но иногда, как в этот момент, воображение рисовало столь заманчивые картины...

Из задумчиво-мечтательного состояния рыцаря вывел звон бубенцов. Взявший привычку следовать за ним в каждый поход по спасению принцессы придворный шут отчаянно тряс башкой с напяленным на нее красно-зеленым колпаком.

- Вашблародие, я дальше идтить боюсь. Я – простой трусливый идиот, у меня и так уже от страха кишки в узел завязались. Смилоствитесь, вашблародие! Не ведите дракону на заклятие. А то, боюсь, не дойду – ноги от страха отнимутся, али еще чего, похуже, случится.

- Хорошо, - пробурчал рыцарь, недовольный тем, что шут столь грубо прервал его мечтания. – Остановимся здесь. Держи коней.

Шут послушно взял под уздцы трех верховых лошадей и одну вьючную. Рыцарь расшнуровал завязки нескольких тюков, разложил на земле предметы экипировки и начал неторопливо, обстоятельно готовиться к бою. Надел вороненую кольчугу с нашитыми на груди и спине полосками шкуры ледяного червя. На руки – перчатки из кожи василиска. Цепочка с оправленным в черный камень левым нижним клыком вампира, убитого в час быка. Небольшой круглый щит, зачарованный мастерами воздушной магии, и рунный меч с клеймом самого мастера Азара завершили экипировку. Проверенное в боях со многими драконами снаряжение – лучшее, что можно противопоставить крылатым бестиям.

- Хорош! – шут выглядел таким довольным, будто это он – известный на всю Дюжину королевств драконоборец. – Хорош! Который уже раз нашу принцессу спасаете, вашблародие? Восьмой?

- Девятый, - не особо дружелюбно ответил рыцарь. Слишком уж хитро, на его взгляд, улыбался шут. Не любил рыцарь такой его улыбки.

- Ай-ай, бедовая наша принцесса по части драконов. Слетаются на нее прям как мухи на... эээ... даже и не берусь сравнение подыскать.

- Вот и помалкивай тогда.

- Мне молчать никак, за болтовню меня кормят-поят, вашблародие.

- Это во дворце. А здесь я тебя за болтовню ни поить, ни кормить не собираюсь. А вот тумака отвесить могу. Чтоб попочтительнее об Ее Высочестве отзывался.

- Больно уж грозны Вы, вашблародие. Мне уже дракошу жаль, - шут сдвинул колпак на затылок и в задумчивости наморщил лоб. – А не надоело ли Вам одну и ту же принцессу столько раз спасать-то?

- Профессия у меня такая. Как у тебя болтовня твоя.

- Ой ли, вашблародие? Только ль профессия? – шут прикрыл один глаз и сощурил второй, отчего его и без того хитроватое лицо приобрело совсем уж плутовское выражение.

- Ты на что намекаешь, дурья башка? А? - по возможности грозно спросил рыцарь, хотя слова шута и в особенности его мина испугали рыцаря куда больше, чем предстоящая схватка с драконом. Неужели знает? Если уж такое трепло откуда-то прознало о сокровенной рыцарской мечте, то скоро весь двор об этом судачить будет!

- Не волнуйтесь, вашблародие, - шут неожиданно стал более чем серьезен. – Дальше меня ваша тайна не пойдет – я все понимаю. Да и свой интерес в этом деле имеется.

Свой интерес в этом деле у шута и правда имелся. Это он однажды предложил странствующему охотнику на драконов задержаться при дворе именно этого королевства, заверив его, что работы будет вдосталь, причем работы высшего уровня сложности и такого же уровня оплаты. Рыцарь, которого красота и грация здешней принцессы и так удерживала на месте вернее всяких контрактов, согласился без раздумий, хотя словам шута особо не поверил. Кто ж в здравом уме станет полагаться на слова придворного идиота? Однако этот идиот дело говорил. Драконы вот уже третий месяц похищали принцессу с завидной регулярностью, шут непонятным рыцарю образом способствовал

получению им королевского контракта, а рыцарь раз за разом убивал чудовище. В итоге король получал назад свою единственную дочь и наследницу престола, шут – треть рыцарского гонорара, а сам рыцарь, помимо двух третьих, получал еще и несколько часов наедине с возлюбленной. Таким образом, все были довольны, за исключением разве что королевского казначея, выдававшего охотнику на драконов его более чем внушительное вознаграждение неизменно со стонами, вздохами и зубовным скрежетом. Мнения казначея по данному вопросу, однако, никто не спрашивал.

Слова «я все понимаю» прозвучали в устах шута настолько двусмысленно, что у охотника не осталось ни малейших сомнений – все знает, проклятый! Как ни странно, рыцарь этому даже обрадовался. «Свой интерес» удержит шута от болтовни, а раз уж шут и так обо всем догадался, с ним можно безбоязненно поделиться своей бедой. А то когда такую тайну в сердце хранишь, непременно с кем-то поговорить хочется, душу, что называется, излить. Хоть бы и придворному дураку.

- Эхх... Да что ты понимаешь, дурья башка! Твой интерес – золото, вот и весь твой предел мечтаний. А я... Люблю я вашу принцессу. Только мне до нее как до звезд на небе.

- Чем же Вы так плохи, вашблродие? Чай, не смерд уже, давненько в рыцари посвящены. Слава Ваша по всей Дюжине королевств гремит, мужчина Вы статный, росту высокого, сложения могучего, лицом бел, глаза аки озера горные – множество девиц в них потонули. Уж поверьте первейшему сплетнику – половина двора по Вам вздыхает!

- Да что мне половина двора! Ее одну люблю, а она не баронесса какая – принцесса! Кровь – не вода! На безродного и не посмотрит даже, ей, ясно дело, короля или на худой конец герцога подавай. В десятом поколении. Уж сколько раз ее спасал, так хоть бы взглядом поблагодарила! Сражу дракона, падет она без чувств, я ее подхвачу да на руках из логова выношу – вот веришь, сердце так бьется, что, кажется, из груди выскочит, доспех прошибет, который даже клыки драконьи не берут. А она хоть бы что – холоднее льда со мной себя держит... Эх, так и останется для меня пределом мечтаний после каждого спасения на руках ее нести, никакой иной награды не ожидая.

- А золото королевской чеканки и не в счет? – шут в притворном изумлении вскинул брови, но, перехватив грозный взгляд рыцаря, поспешно добавил. - Да уж. Сложна задачка, однако ж не отчаивайтесь, вашблродие! Идите лучше на дракоше отыграйтесь. Пустите чуток черной крови, авось и на душе полегчает.

- И то верно. Заболтался я тут с тобой, а она там, бедняжка, избавления ждет. Держи, - рыцарь кинул шуту увесистый кошель, содержимое которого заманчиво брякнуло в полете. – Твоя доля. Ну, я пошел.

- Идите, идете, благословляю Вас на бой, вашблародие, - шут, поймав и спрятав кошель за пазуху, в самом деле осенил рыцаря крестом. – Пусть рука Ваша будет крепка, нога проворна, глаз точен, ум ясен, сердце... эээ, с сердцем-то у Вас как раз беда. Ничего даже и присоветовать не могу.

- Вот и помалкивай тогда.

* * *

Дракон и вправду был грозен. Огромная рептилия, с рогатой уродливой головы и до кончика шипастого хвоста закованная в черно-зеленую чешуйчатую броню. У дальней стены рыцарь различил одинокую фигурку – принцесса.

В пещере стояла невыносимая жара.

– Зачем тревожишь мой покой, о несчастный смертный? – проревела крылатая тварь до боли знакомую каждому драконоборцу фразу.

- Я пришел освободить несчастную пленницу! – столь же канонически ответил рыцарь.

- А-ха! Ты найдешь здесь свою смерть, ничтожный! – отвечивал дракон, и в подкрепление данного тезиса дохнул на рыцаря огнем.

Рыцарь подставил меч под поток пламени. Руны на клинке ярко вспыхнули голубым светом, и поток разделился на два рукава, огибая рыцаря. Нашивки из шкуры ледяного червя уберегли его от ожогов.

- И это все, на что ты способен, бестия? – как можно более обидным тоном выкрикнул рыцарь.

Видимо, оскорбление подействовало – дракон оглушительно взрыкнул и бросился на рыцаря, нанося удары то передними лапами, то шипастым хвостом. Рыцарь завертелся в пируэтах, уходя от ударов, уворачиваясь, избегая контакта с могучей тварью. Дракон был быстр и хитер, но и рыцарь не зря столько лет провел в стенах Бастиона Ветров. Несмотря на кольчугу, щит и меч, он передвигался по пещере со скоростью пущенного из пращи камня, ловко уворачиваясь от драконьих лап и коварных ударов хвостом. Чудовище, как ни старалось, не могло даже слегка задеть драконоборца. Спустя несколько

минут боя, больше напоминавшего замысловатый ритуальный танец, и дракон, и охотник уже тяжело дышали и двигались не столь стремительно. Оба, казалось, выжидали ошибки противника.

Первым дождался дракон. Выходя из пируэта, рыцарь банально споткнулся о каменный выступ и потерял темп. Дракон испустил победный вопль средней силы, от которого с потолка пещеры посыпался мусор, камни и несколько оглушенных акустическим ударом летучих мышей. Однако радость его была преждевременной – мнимая ошибка рыцаря оказалось всего лишь уловкой. Стремясь воспользоваться моментом, дракон нанес слабый, на пределе досягаемости удар левой лапой, от которого рыцарь уворачиваться не стал, а подставил под него зачарованный щит. Не подставил даже, а скорее парировал драконий удар, неожиданно сильно отбив щитом его лапу и использовав энергию соударения для нового пируэта. Пируэт завершил удар мечом, руны полыхнули ярко-алым, клинок легко пробил шкуру чудовища и почти по рукоять вошел под его левую лопатку. Дракон инстинктивно ударил по рыцарю хвостом, однако лишь впустую хлестанул воздух. Рыцарь, едва нанеся удар, оттолкнулся от дракона ногой и совершил невообразимое для обычного человека, шагов на десять, сальто назад, оказавшись вне пределов досягаемости чудовища. Черная кровь хлынула на камни, от которых тут же повалил зловонный пар.

Дракон, припадая на левую лапу, отступил на несколько шагов. Хвост его в бессильной ярости продолжал стегать воздух, из ноздрей вырывались огненные струи, но вновь состязаться с рыцарем в скорости и ловкости он, похоже, не собирался. Вместо этого дракон решил прибегнуть к магии. Черные вертикальные зрачки растворились в ярко-желтой радужке, глаза чудовища грозно и таинственно мерцали в полутьме пещеры. Воздух заискрился, пропитанный колдовской энергией.

Заклинание! Словно незримый таран обрушился на драконоборца. Рыцарь едва успел перехватить меч рукоятью вверх и вонзить клинок в землю, образуя ритуальный крест. Руны замерцали теплым желтым светом, их магия рассеяла часть атакующей энергии, однако заклинание было слишком сильным. Ударная волна опрокинула рыцаря, и он, выпустив рукоять воткнутого в землю меча, десяток шагов проехал на спине.

Заклинание! Удар сотряс своды пещеры, и с потолка посыпались камешки, камни и целые каменные глыбы. Несколько из них непременно должны были упасть прямо на распростертого на земле рыцаря. Однако тот, с трудом поднявшись на одно колено, поднял вверх левую руку, прикрываясь зачарованным щитом. Магия воздуха не подвела, и

падающие камни бессильно скатились по незримому куполу, защитившему драконоборца. При каждом ударе в воздухе разносился мелодичный звон, словно кто-то били молотом по гигантскому камертону.

Заклинание! По полу пещеры, от дракона к рыцарю, зазмеилась трещина. Рыцарь встал на ноги, сбросил с правой руки перчатку и крепко обхватил висящий на шее амулет. С кулака закапала кровь. Едва три или четыре капли упали на землю, трещина замедлила свой бег, а затем и вовсе перестала расширяться. Край ее остановился в нескольких шагах от рыцаря.

- Некромааантия, - вкрадчиво прошелестел дракон. – Не бресссгуешь, рыцарь?

- Ради тебя, - прошептал рыцарь, глядя при этом на принцессу, а вовсе не на дракона. - Ради тебя – все, что угодно.

Несколько секунд магия чудовища боролась с силой амулета и волей драконоборца. Когти дракона рыли землю, чудовище вливало больше и больше энергии в заклинание, силясь превозмочь защитные чары. Однако тщетно – рыцарь сжимал амулет все крепче, на лбу и висках его выступил пот, кровь с кулака уже не капала, а бежала ручейком, но трещина так и не приблизилась к нему ни на шаг. Наконец, атакующее и защитное заклинание, как говорят маги, вошли в резонанс, и вся накопленная мощь обоих заклятий сдетонировала, выделившись в виде чистой энергии. В центре пещеры прогремел взрыв, из трещины выбросило фонтан песка и грязи. Дракона, несмотря на его огромную массу, протащило несколько шагов. Рыцарь пролетел по воздуху пару десятков шагов и ударился о стену пещеры спиной и затылком. Защитный амулет рассыпался в прах и висел в воздухе полосой искрящейся пыли, отмечая траекторию полета.

Было видно, что поединок измотал даже могучего дракона – он тяжело, с присвистом, дышал, бока его бурно вздымались и опадали, а вместо клубов пламени из ноздрей вырывался лишь грязно-серый дым. Из раны непрерывно сочилась черная кровь. Но бой подошел к концу, и дракону оставалось лишь добить рыцаря. Тот сидел на полу пещеры, спиной опираясь о стену, уронив голову на грудь, и не подавал никаких признаков жизни – то ли потерял сознание, то ли совершенно обессилел.

- Я же предупреждал, смертный, - дракон глумливо усмехнулся. – Ты найдешь здесь свою смерть. Уже нашел.

Рыцарь поднял голову. Лицо его было черным от копоти и налипшей земли, из носа стекала струйка крови, но он... смеялся! Смеялся звонко и весело, словно оценив по

достоинству шутку своего противника. Дракон в непритворном изумлении почти человеческим жестом вскинул брови.

- И это все, на что ты способен, бестия? – повторил рыцарь сказанную в самом начале боя фразу. Дракон грозно взревел и яростным ударом хвоста раздробил в пыль обломок камня размером с годовалого теленка. Воздух в пещере снова заискрился – чудовище готовило еще одно, последнее, заклинание, призванное покончить, наконец, с наглым человеком.

Однако рыцарь не стал дожидаться результатов драконьего колдовства. Легко, словно и не было изматывающего поединка, словно не было ударов, падений и вражеских заклинаний, вскочил на ноги. Взмах левой рукой, и зачарованный щит, прочертив в воздухе широкую дугу, на огромной скорости врезался точно в драконью морду. Чудовище, явно оглушенное, в растерянности замотало рогатой головой. Так и не сотворенное заклинание было нарушено.

Прежде чем дракон пришел в себя, рыцарь рванулся ему навстречу. На бегу вырвал из земли меч, и, оттолкнувшись от одной из упавших с потолка глыб, прыгнул. Прыжок этот непосвященный в тайны Бастиона Ветров и магии воздуха скорее назвал бы полетом – три десятка шагов в длину, десяток в высоту.

Дракон, хоть и оглушенный, успел отреагировать и выпустил струю огня, надеясь опалить рыцаря. Однако тот даже в полете сумел извернуться так, что пламя задело его лишь самым краем. Шкуры ледяного червя вновь спасли рыцаря от драконьего огня, и он, перехватив пламенеющий алым светом меч обеими руками, рубанул чудовище по тонкой гибкой шее. Выкованный мастером Азаром клинок не подвел. Дракон жалобно взрыкнул и начал заваливаться набок. Через несколько мгновений, когда осела поднятая падением чудовища пыль, рыцарь увидел лежащую на полу пещеры тушу. С чешуйчатой морды на него недоуменно и укоризненно смотрели потускневшие желтые глаза. Глаза мертвого дракона.

Удостоверившись, что чудовище мертво, рыцарь повернулся к принцессе и отсалютовал ей клинком. Та издала сдавленный полукрик-полустон, и, как и полагается всякой добропорядочной принцессе в подобной ситуации, лишилась чувств. Но не упала – одним движением, превосходящим по скорости даже его боевые па, рыцарь преодолел разделявшие их два десятка шагов и подхватил падающую принцессу на руки.

Пока драконоборец разоблачался и упаковывал снаряжение, принцесса получила возможность перемолвиться с шутом с глазу на глаз.

- Держи, - протянула она ему увесистый мешочек, звякнувший при этом точь-в-точь как всякий увесистый мешочек, наполненный золотыми монетами.

- Премного благодарен, Ваше Высочество, - отвечивал шут, сгибаясь пополам в земном поклоне и одновременно пряча мешочек за пазуху. – Рад стараться. Всем ли Вы довольны на этот раз?

Принцесса, как истинная особа королевской крови, ответила, употребляя множественное число вместо единственного.

- Мы довольны. Только вот, - неожиданно голос ее дрогнул. – Только вот нельзя ли устроить так, чтобы дракон после похищения улетал подальше от королевского замка? Мы желаем, чтобы обратная дорога занимала больше времени.

- Я хорошо осведомлен, Ваше Высочество, сколь приятно Вам общество благородного господина, и делаю все, что в моих силах. Поверьте, если бы возможны были более удаленные похищения, я устроил бы это без всякого напоминания с Вашей стороны.

- Что ж, хорошо. У нас нет причин сомневаться в вашей преданности. Кстати, полагаю, не позднее следующей декады мы вновь захотим оказаться похищенными. Будьте готовы и не подведите меня.

- Ни в коем случае, Ваше Высочество.

- Радостно слышать, что на Вас по-прежнему можно положиться. Мне... Мне так жаль, - принцесса и будущая королева вдруг превратилась в женщину. – Так жаль, что приходится каждый раз подвергать его такой опасности. Но как еще я могу побыть с ним, не вызывая вопросов, сплетен, подозрений? Я, властная над всем в этом королевстве, не властна над собственным сердцем...

Одинокая слеза скатилась по щеке девушки. Шут поспешил ее утешить.

- Ваше Высочество, полагаю, мечты Ваши не столь уж неосуществимы. Благородный господин посвящен в рыцарское достоинство, в народе исключительно популярен благодаря своей храбрости, скромности, а более всего – недворянскому происхождению. Неоднократно оказывал услуги многим королевским семействам, следовательно, на хорошем счету чуть ли ни при каждом дворе. В наше беспокойное время трудно найти более подходящего супруга для будущей королевы – любимого подданными и одновременно обласканного соседними монархами. А что из крестьянской семьи...

Полагаю, Вы сумеете уговорить Вашего августейшего родителя закрыть глаза на этот недостаток.

- Да что там августейший родитель, - принцесса сжала кулачки и грозно топнула ножкой. Сразу стало ясно, кто правит если и не в королевстве, то хотя бы в королевской семье. – Папочку-то я легко уговорю – как-никак, единственный ребенок! Но вот он, - принцесса снова поникла. – Я ведь совсем ему неинтересна. Вот несет меня на руках после победы над чудищем, так хоть бы взглянул, хоть бы слово молвил, так нет – тарашится куда-то в сторону и молчит, дубина окольчуженная! Хотя что ему, выпускнику таинственного Бастиона Ветров, видевшему чудеса всей Дюжины Королевств, победителю десятков драконов, прославленному воителю, о подвигах которого не первый год уже распевают барды свои баллады... Что ему, гордому и свободному, королевский замок? Не более чем темница. Что ему, прославленному и знаменитому, королевский титул? Не более чем пустой звук. Что ему, всеобщему кумиру, я, жеманная и избалованная принцесса? Не более чем обуза. Зачем ему связывать себя узами брака? Что он может получить от меня взамен своей славы и свободы?

Шут не ответил. Он молча разглядывал загнутые носки своих ботинок, изо всех сил сдерживая рвущийся наружу смех.

* * *

- Приветствую твое магичество!

- Приветствую твое шутовство! С добычей?

- А как же!

Шут взобрался, наконец, на вершину холма и первым делом отдал один из полученных мешочков ожидающему его на вершине пожилому мужчине, облаченному в расшитый золотыми и серебряными рунами синий балахон. Маг убрал кошель в широкий карман балахона.

- Ну, как на этот раз прошло?

- Как обычно – без сучка, без задоринки! Потрепал твой иллюзорный дракон слегка нашего рыцаря, а потом тот его героически прикончил. Хорошие ты иллюзии создаешь – приятно было посмотреть, как драконоборец с ней бодается. А уж весело-то как, особенно когда знаменитого на весь свет бойца по полу катать начала какая-то иллюзия ...

- Эй, полегче! Я тебе архимаг, а не школяр второй ступени! Моя «какая-то» иллюзия тебя не только съесть могла бы, но и переварить!

- Ладно, ладно, не закипай. Не хватало еще, чтобы ты в гневе меня в лягушку превратил. Лучше скажи – выпить найдется? За успех мероприятия?

- А как же! – Маг с гордостью извлек из складок балахона металлическую фляжку.

Глотнули. У мага лицо вмиг пошло красными пятнами, шут закашлялся.

- Крепка, зараза! - одобрительно произнес он, утирая выступившие слезы. – На чем настаиваете? Вроде как по вкусу похоже на мед пчел ыч.

- Ничего-то вы, молодежь, в выпивке не смыслите. Это ж магический эликсир, детрадан наутара по-научному! Пятый перегон, третья ступень очистки, энергии на одну унцию потрачено – как вот этот холм с землей сравнять. Думаешь, почему фляжка платиновая? Это пойло золото плавит!

- А... глотку как же? И требуху?

- Говорю ж – магия! Не бойсь, сам делал. Не то что один с нашей кафедры – до того охоч был до выпивки, что студиозов гнать заставлял. Так и помер от печеночной болезни, никакая лечебная магия не помогла... А у меня все точно промерено, пей без опаски! И никакого похмелья!

- Ну, тогда по второй, что ли?

- Давай!

На этот раз закашлялись оба.

- Смотри, смотри – поехали! – шут показал на две конные фигуры вдали, выезжающие из драконьей пещеры.

- Ага, - кивнул маг. – Едут, несчастные. Вот что любовь с людьми-то делает – даже драконы им потребны становятся.

- За любовь? – шуту магический эликсир явно пришелся по вкусу.

- За любовь!

После третьей молчали несколько минут – приходили в себя. Однако когда заговорили, чувствовалось, что детрадан наутара уже действует.

- Злые мы с тобой люди, шутовская морда, - на этой стадии опьянения маг всегда заводил с шутком один и тот же разговор. – Видим ведь, люди мучаются – нет, чтоб подсказать, так мы деньги на чужом несчастье делаем.

- Что есть счастье? - в такие моменты шута предсказуемо тянуло обсудить философские вопросы. – Счастье есть краткий момент получения желаемого, но

недостижимого. Став же безгранично достижимым, желаемое теряет для нас всякую ценность и перестает быть желаемым. Счастье подобно хорошему вину – только если пьешь небольшими глотками, можно сполна насладиться его вкусом. Таким образом, мы совершаем благородный поступок, одаривая их не более чем крохами счастья и позволяя в полной мере радоваться каждой минуте совместного пребывания.

Однако маг уже давно знал все его уловки наизусть. И свои контраргументы тоже.

- Счастье есть избавление от несчастья, друг ты мой с бубенцами. Позволяя им в полной мере радоваться нескольким часам мимолетного счастья, мы равно заставляем их в полной мере ощущать горечь расставания. Доставляемая нами радость сродни радости калеки, которому ненадолго вернули недостающую ногу, а затем отняли ее вновь. И, раз уж мы заговорили о благородных поступках, скажи мне, как скоро ты планируешь поведать двум влюбленным сердечные тайны друг друга?

- Определенно не сегодня. И не завтра. Ты же знаешь, - глаза шута мечтательно заблестели. – Мне все еще очень нужны деньги.

- Так ты не шутил?

- Я хоть и шут, но такими вещами не шучу. Я правда хочу открыть первый в королевстве частный театр, а на это золота нужно немало. По моим подсчетам, нашему благородному рыцарю придется спасти принцессу еще не менее восьми раз.

Маг быстро прикинул что-то в уме.

- Согласен. Я к тому времени тоже скоплю необходимый мне капитал, - ответил он после непродолжительных расчетов и с заметным удивлением в голосе добавил. - А дорого же нынче искусство!

- Я ведь хочу открыть настоящий театр, а не балаган. Собрать молодых, талантливых актеров со всего королевства, и ставить собственные пьесы, а не ту уныло-патриотическую галиматью, что ставили, ставят и будут из цензурных соображений ставить в королевском. Это сейчас я шут, по необходимости, но я сотворен не для идиотских кривляний, я сотворен для сцены! И сам творю для сцены! Я уже написал две трагедии. Одну про влюбленных из разных родов, разделенных кровной враждой, и вторую про генерала, супруга которого отравила короля. А, глядя на них, - шут махнул рукой в сторону все еще видневшихся вдали рыцаря и принцессы. – У меня возникает желание написать еще одну пьесу. Разумеется, комедию. Пожалуй, - шут в задумчивости пожевал травинку. – Пожалуй, я назову ее «Бесплодные усилия любви».

Маг молча смотрел на собеседника. Как всегда, когда тот начинал рассуждать о собственном театре, лицо его преображалось, утрачивая обычное свое сходство с обезьяньей мордочкой. словно усталый путник, смывающий с лица въевшуюся после многодневного похода пыль, шут сбрасывал ставшую привычной от каждодневных кривляний и унижений маску придворного идиота. Несмотря на колпак и нелепую одежду, с магом сейчас говорил человек без сомнения талантливый и умный, увлеченный – но не мечтатель. Свою мечту, хоть любой трезвомыслящий и назвал бы ее несбыточной, он сумел превратить в цель, к достижению которой шел уверенно и безостановочно. Маг и сам был таким без малого пять десятков лет назад.

- Заметь, - продолжал тем временем шут. – Я делаю это не только для собственного блага. Думаешь, задача искусства – всего лишь потешать толпу? Нет, настоящее искусство – это проповедь идей гуманизма и просвещения, хоть и облаченная в занимательную форму. Смягчать сердца и обострять умы – вот его истинная задача. То, что религия обещает нам в жизни загробной, искусство поможет воплотить в этой жизни. С помощью искусства человек сможет усмирить свои низменные страсти и осознать, что все люди – братья, лишь с помощью искусства возможно воплотить в жизнь идею всеобщего равенства... Э, - шут заметил недоверчивую ухмылку на лице своего компаньона. – Да ты, никак, не веришь в идею всеобщего равенства?

- Как же, в идею верю, - ответил маг. – Вот только пока одни наслаждаются детрадан наутара, а другие травятся сивухой, идея всеобщего равенства так и останется не более чем идеей.

- Ну, тут уж дело за вами, учеными мужами, - отмахнулся шут. – Прогресс и даруемое им изобилие – это по вашей части.

- Прогресс, говоришь... - маг в задумчивости потер подбородок и, встав во весь рост, неожиданно пристально поглядел на собеседника сверху вниз. Глаза его заблестели, причем, похоже, не от выпитого. - Давай-ка я расскажу тебе одну историю. Примерно полвека назад, в Академии, при кафедре магического синтеза сформировали исследовательскую группу – несколько талантливых выпускников, и руководитель – молодой, но уже хорошо известный своими исследованиями маг. По молодости, все они страстно желали употребить свои знания на пользу человечеству, и задалась благородной целью – изобрести горячительный напиток, простой в изготовлении, дешевый, не вызывающий привыкания и безо всяких вредных эффектов для организма. Добейся они поставленной цели, и все, от короля до последнего крестьянина, получили бы

возможность употреблять алкоголь без малейшего вреда для здоровья. Через несколько лет упорного труда они открыли формулу вот этого самого детрадан наутара, будь он проклят. Превосходного по своим качествам эликсира, безумно, однако, дорогого. Они наверняка смогли бы довести дело до конца, но на их исследования был наложен запрет. Оказалось, кто-то поспешил преподнести детрадан наутара королю, батюшке нынешнего монарха, и после дегустации тот нашел его восхитительным. Сама идея сделать подобный напиток доступным для всех и каждого показалось Его Величеству кощунственной. Руководитель группы просил, даже умолял, лишить его пожалованного ордена и повышения по службе, но позволить закончить исследования, однако просьбу его удовлетворили ровно наполовину, лишив ордена и повышения. Вот так. Вместо всеобщего равенства – еще большее социальное расслоение. Купцам и аристократам – детрадан наутара, простому люду – сивушные масла. Это и есть прогресс.

Маг устало опустился на траву. Руки его дрожали, глаза напоминали потухшие угольки – ни блеска, ни пламени.

Несколько минут оба молчали. Наконец, шут решился нарушить тишину.

- Вот оно, значит, как. А я еще гадал – и зачем тебе деньги? А ты, сдается мне, спустя полвека хочешь довести исследования до конца. Тогда понятно – оборудовать лабораторию наверняка стоит не меньше, чем открыть театр. Интересно, а что твой бывший руководитель по этому поводу думает?

- Ничего он не думает, - маг тяжело вздохнул. – Ни по этому поводу, ни по какому другому. Помнишь, я тебе сегодня про мага говорил, который спился и умер от цирроза печени? Это я про него.

- Да уж... Какая злая ирония – изобретатель единственного в мире безвредного пойла умер от злоупотребления алкоголем. Печально.

- Не то слово. Собственно, когда он умер, я и поклялся, что завершу его работу. Пятьдесят лет это было пределом моих мечтаний. Теперь же, учитывая последние достижения магохимии вкупе с доходами от твоей драконьей аферы, сие уже не кажется невыполнимой задачей.

- Успехов! Готов дегустировать результаты твоих экспериментов в любых количествах! – шут подмигнул компаньону и взболтал фляжку с эликсиром. – Как раз по глотку осталось. Ну что, за прогресс?

- Нет уж, - маг невесело усмехнулся. – Давай лучше за искусство.

- Так тоже не пойдет, - шут на мгновение задумался. – Придумал – давай за любовь.

- Так ведь пили уже.

- Так ведь и любовь многогранна, мой друг. С одной стороны посмотришь – это не более чем повод написать комедию. С другой – великое чувство, что само того не сознавая, питает и искусство, и прогресс. И, как видишь, грош цена мечтам о гуманизме и просвещении, идеям равенства и братства, если они не стоят на прочном фундаменте любви. За любовь!